

Závodský, Artur

Резюме

In: Závodský, Artur. *Nad prózou Vojtěcha Martínka*. Vyd. 1. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1960, pp. 95-98

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/119142>

Access Date: 09. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

РЕЗЮМЕ

Жизнь и художественное творчество Войтеха Мартинька тесно связаны с его родным краем — с Пббескидьем, с сёлами и местечками Опавской, Глущинской и Тешинской областей, но прежде всего с городом металлургии и шахт — Оставой. Мартинек прожил в этом крае свою молодость и посвятил ему свои зрелые силы. Постоянно поселившись на окраине Оставы, он и до дня смерти остался верен „зеленой и черной“ родной стороне.

Прежде чем начать отображать в прозе жизнь своего народа, Мартинек становится всесторонним и вдохновенно преданным знатоком родного края, изучает его историю, литературу, фольклор и диалект. В своей просветительской, научно-популярной деятельности Мартинек идет по стопам своих учителей по пражскому университету, главным образом „реалистов“. Мартинек претворяет в действие их лозунг о каждодневной, мелкой, так называемой обыденной работе среди людей. Мартинек нес культуру из центра в массы, на окраины. Будучи неустанным просветителем, он неоднократно в своем творчестве (например, в „Межах“, „Три пути Блажея Потешила“ и т. д.) отразил самоотверженность безмянных энтузиастов любительского театра, деятелей в просветительских беседах, среди ученичества и т. д.

Мартинек бесстрашно поднимает голос во имя национально и социально угнетенного остравского народа. Он основал общественную библиотеку в Витковицах, в городе, где была наибольшая угроза германизации. Из этой деятельности, которая носила характер стремлений позднего возрождения, возникли многие стимулы для трилогии „Чёрная земля“.

За исключением биографического романа о Карле Сабине, к которому автора привёл литературно-исторический интерес к психическому и социологическому объяснению возникновения его измены делу народа (в конечном итоге и здесь речь шла о проблеме когда-то очень актуальной в Оставском крае), художественное творчество Мартинька, и особенно прозаическое, выросло в каждодневном соприкосновении и связи с родным краем.

В прозе Мартинек изобразил подгорные провинции, холмистый Брушперкский край, патриархальную жизнь родины, но основное внимание он уделил росту Оставы, которая в эпоху наивысшего развития капитализма впитывала в себя, как ненасытный спрут, людей из Пббескид, Опавска, Тешинска и далекой Галиции. Отмирание старых порядков и обычаев, возникновение новых форм жизни, проникновение городских влияний в деревню в результате промышленного развития Оставы, постоянное бегство людей в город и лишь в редких случаях жизненных неудач возвращение из города в деревню — словом, интенсивный процесс взаимного проникновения деревни и города является главной темой прозы Мартинька.

Приблизительно сто лет головокружительного развития остравского края — оставляем

в стороне старинные „романы“, уходящие гораздо глубже в прошлое — отразил Мартишек в своей прозе. Действие романа-хроники „Грохочут ткацкие станки“ начинается в 1848 году и кончается около конца 80-х годов (книга „Три пути Блажен Потешила“ отражает переломный период 70—80-х годов). Трилогия „Черная земля“ начинается периодом, изображенным в „хронике“ „Грохочут ткацкие станки“, и завершается 1917 годом. Действие трех романов о поштулковском роде начинается в первые годы домюхенской республики и кончается приблизительно в конце второй мировой войны. Ни на минуту мы не должны забывать, что Мартишек не является историком-хроникалистом своего края, а беллетристически изображает главное течение истории, которое идет к постоянному углублению и расширению демократизации жизненных форм. Не случайно то, что главным событием „хроники“ „Грохочут ткацкие станки“ является революционный 1848 год и что решающую роль в действии обеих трилогий играют две мировые войны, которые вообще являются межами социального и национального развития нашего общества. Влияние революции в России нашло отзыв в голодных бунтах 1917 года в Витковицах, и последнее влияние Великой Октябрьской социалистической революции частично намечено присутствием русских партизан в горах в книге „Опаленные ветви“.

В прозаическом творчестве Мартинька с самого начала продолжается борьба между реалистическим изображением действительности в типических образах и ситуациях и подачей так называемых „частных“ историй. Персонажи произведений, ограничивающихся личными судьбами, были хотя созданы на основе действительных моделей, но не отступали от индивидуальных исключительностей; у них отсутствует сила обобщения. Этот спор реализма и натурализма в творчестве Мартинька никогда не был доведен до конца. Там, где Мартишек подошел к материалу как зоркий историк, стремящийся добраться до закономерностей общественной жизни, как то видим в трилогии „Черная земля“ и в конце концов и в „хронике“ „Грохочут ткацкие станки“, он создал реалистические произведения, которые в покоряющей пластичности персонажей и в правдивом изображении жизни дают закономерности общественного развития в остравском крае. Но там, где автор прослеживал лишь судьбы некоторых людей, а не посредством их рисовал картину социальной жизни (такими являются, например, романы „Прежде чем корни привьются“, „Женщина и деньги“ и т. п.), или там, где он создавал прозу, которая должна была подтверждать некоторые философские и этические мысли о долге, о вечно действенном порядке и т. п. (например „Каменный порядок“, „Язва на лице“ и т. д.), возникают работы социально мало типичные или прямо неправдивые. Иными словами: произведения, в которых автор в результате изучения действительности пришел к раскрытию закономерностей жизни общества, являются по своей сущности реалистическими, избегают фальшивой идеализации действительности, накопления неожиданностей, чуждой нам философии фатализма и мистицизма. У Мартинька, который в юности изучал творчество Э. Золя и И. К. Шлейгара, проявляются иногда ошибочные взгляды о биологическом предназначении человека и его деятельности.

Никогда не исчезала у Мартинька сила традиции, которая в течение лет и изменяющихся обстоятельствах принимает различный вид. Если в образах из истории литературы и родного края живёт сознание, что современность связана с прошлым тысячами уз, если в 30-е годы складывается у Мартинька склонность к родному краю и к строю предков, то во время оккупации выросла у него строгая философия о необходимости сохранять „вечный строй“, которую Мартишек выражал в мистической, рурализму подобной мысли о сохранении крестьянского двора и о консервировании старых привычек.

В течение нескольких десятилетий совершенствовалось повествовательное и композиционное искусство Мартинька. На вершине своего творчества, в остравской трилогии и в „хронике“ „Грохочут ткацкие станки“, Мартишек вырос в рассудительного, хотя

и убедительного рассказчика, который исходит из действительности, который крепко связывает действия, не рассеивается на излишние подробности и эпизоды, который обладает даром создавать пластические образы и наглядно, почти как в фильмовых кадрах, показать целые сцены, контрапунктируя их друг с другом, приводить людей к действию или по крайней мере к диалогам. В отличие от писателей-натуралистов Мартинек не дает своим персонажам — в стремлении точно выразить их местное происхождение — говорить сплошь на диалекте. Он всегда их стилизует и рассудительно дифференцирует по социальному происхождению, роду занятий, возрасту рисуемых персонажей. Этому искусству характеризовать персонажи их речью учился Мартинек медленно и трудно, но от остравской трилогии он владеет им уже в совершенстве. Речь рассказчика — также здесь можем заметить за долгие годы у писателя счастливое развитие к лучшему — не переполняется образами. Автор повествует вещественно и наглядно. Чаще всего он выбирает образы из натуральной среды. Для подчеркивания местного колорита он иногда употребляет диалектизмы и профессионализмы.

Теперь остается нам задуматься над местом прозы Мартинека в чешской литературе.

Пока речь идет о рассказах и романах писателя о селах или малых городах, определим их значение для развития, очевидно, лучше, если поставим их в ряд работ писателей 30-х годов, которые изображали села у нас в сущности реалистическим способом и тогда, когда в их произведениях — также и ввиду тогдашней неопределенности теории искусства и литературы — реалистические образы смешивались с тем, что сегодня считается не-реалистическим. Я имею в виду таких авторов, как Ф. Кс. Свобода, В. К. Ержабек, А. Мршттик, М. Ян. Не совсем случайно, что Мартинек об этих писателях написал литературно-критические монографии. Сельские романы „Каменный порядок“ и „Межи“ как бы примыкают своим медлительным повествованием и ксилографической техникой изображения селян к прозе Терезы Новаковой. „Ветви можжевельника“ имеют очарование старых романсов, как их писал Алоис Ирасек. „Грохочут ткацкие станки“, как словесная хроника жизни родного города, примыкает к величущему произведению Ирасека о Падолье. На именно иронические, но примиренческие приключения о Блажее Потешиле падает отблеск „Исчезнувших патриотов“ К. В. Райса. Словом, здесь всюду Мартинек продолжает и своеобразным способом модифицирует линии наших прозаиков 90-х годов, которые считаются реалистами в тогдашнем смысле слова.

Больше всего из прозы Мартинека выделяется трилогия „Чёрная земля“, не только по чисто художественным качествам, но и потому, что в ней Мартинек должен был прокладывать себе собственный путь. Остравский край именно в произведениях чешской литературы до выступления Безруча стоял в стороне. Припомним, что здесь до трилогии Мартинека было в прозе, которая изображала жизнь Валашка, Тешинска, Олавска и области Остравы. Выходец из восточной Чехии, судья Франтишек Слама писал патристические картины из жизни Силезии, истории Тешинска и исторические рассказы, взятые из истории края и из народно-воспитательных тенденций; он извлекал также из фольклорных источников материал для образов разбойников, особенно Ондраша. Редактор Игнац Горжица дал небольшое количество прозаических эскизов с народной проблематикой Силезии. Чехослав Остравицкий опять (после Сламы и Безруча) оживил образ Ондраша. Журналист Отакар Скипала использовал в 1910 г. (под псевдонимом Фр. Вольны) для своего романа об Остравском крае название „Черная земля“. Соученик Мартинека по гимназии Карел Гандзел изобразил несколько типов и сцен витковичских металлургических заводов и остравских терриконов в книгах „Огонек в полумраке“ и „Хахары“*). Непосредственными предшественниками трилогии Мартинека можно счи-

*) Хахары — деклассированные элементы общества, люмпенпролетариат.

тать лишь двух авторов — автора „Силезских песен“ и писателя Фр. Сокола Туму. Пламенными образами остравских шахтеров и революционным призывом к расплате за социальные и национальные беды, как на грани столетия к тому призвал Петр Безруч, вступил Остравский край в чешскую литературу как сурово неотступная тема. Юность и зрелость Мартинека прошли под знаменем поэзии Петра Безруча. Незвестный тогда бард выразил и за Мартинека, студента остравской гимназии, что было в мыслях и сердцах людей этого угольного и металлургического края. С Соколом Тумой Мартинек лично познакомился уже будучи учеником седьмого класса гимназии. До этого, конечно, он читал его шахтерский роман „На шахтах“ и в течение нескольких лет изучил все творчество этого „остравского Золя“. Сокол Тума, журналист по профессии, описал жизнь в Остравском крае в пространных произведениях, в которых не избегает широкой идеализации, ораторски витиеватого пафоса и в которых следует за прозой, полной эффектной пестроты, и не отступает перед употреблением крикливо театрального сильного воздействия. Сокол Тума, как ревнитель просвещения, слишком накоплял в своей прозе новые и новые свидетельства, чем нарушал стройность своих произведений, впадая то до сенсационности, то до сухого реферирования. В искусстве типизации, в искусстве композиции и в языке Мартинек несравненно поднялся над полуформами Сокола Тумы. Но Мартинек значительно отличается и от автора „Терриконов“ (1927) А. М. Тильшовой не только тем, что, в отличие от ее изображения Карвинского и Орловского края, сосредоточил своё внимание на Остравском крае, витковицких домнах и прилегающих окрестностях, но и тем, что не подаёт военную Оставу в форме коллективной фрески с натуралистическим экспонированием персонажей и сцен.

Войтех Мартинек в „Черной земле“ создал прозаическую противоположность „Силезским песням“. В образах этих двух авторов Остравский край получил черты монументальности.

Всем своим прозаическим творчеством, и прежде всего своей остравской трилогией, Мартинек доказал правильность девиза, что искусство, изображающее истинные массы, — покуда речь идет о действительном искусстве, — становится общенародным достоянием. В этом смысле Мартинек по праву принадлежит к плеяде наших критических реалистов, которые с 80-х годов прошлого столетия, оставаясь верными действительности и реализму, ввели местные образы (А. Ирасек — Литомысль, Т. Новакова — Скучетско, Й. Голечек — южную Чехию, Г. Прейсова и Й. Гербен — Моравскую Словакию и т. д.) в общенародную литературу. Навсегда останется заслугой Мартинека то, что он вслед за Петром Безручем завоевал Остравскому краю право на жительство в чешской прозе.

Перевела Л. Ондражейова.